

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ*

В.Н. ШИЛОВ

**Белгородский
государственный
университет**

e-mail:
Shilov@bsu.edu.ru

В статье представлен анализ наиболее общих политических ценностей как ориентиров мировой политики – права человека, безопасность, справедливость, равенство. Автор обосновывает необходимость уточнения целей и принципов мировой политики, важность достижения идеологической независимости России в определении ориентиров ее внешней и внутренней политики, создания идеологического проекта непотребительской цивилизации.

Ключевые слова: мировая политика, идеология, политические ценности.

Еще два десятилетия назад идеологическая борьба была важнейшим компонентом международных отношений. В эпоху противостояния двух систем предлагалось два варианта (проекта) развития человечества. Первый – это объединение населения планеты на основе принципов коммунизма. Второй – это всеобщее распространение идеологии либерализма. Похоже, большая часть человечества сделала выбор в пользу второго варианта. Но это еще не означает конца истории и полного прекращения идеологической борьбы, хотя можно согласиться с С. Хантингтоном в том, что основные линии раскола человечества носят теперь не политико-идеологический, а цивилизационный характер.

Следует отметить, что внутри отдельных стран роль идеологий как рационального элемента в политике снижается, вытесняется эмоционально насыщенной политической рекламистикой. В мировой же политике, которая является преимущественно сферой деятельности элит, роль рационального начала больше. И поэтому значение идеологического компонента в обосновании, презентации внешней политики часто заметнее, чем во внутренней. Видимо, как и центр Политического, так центр Политико-идеологического во все большей мере перемещается в область мировой политики¹.

Несомненно, во внешнеполитическом идеологическом дискурсе доминирует идеология либерализма. Ей противостоят, прежде всего, идеологии социализма, консерватизма, национализма. Но если ранее это противостояние реализовывалось в практике борьбы государственно организованного либерализма и государственно организованного социализма (коммунизма), а ранее государственно организованного национализма (нацизма, фашизма как крайне правого консерватизма), то теперь это противостояние выступает в виде стремления добавить к общему либеральному фону те или иные идеологические «краски» нелиберальных цветов.

В качестве либерального политико-правового Абсолюта выступают «права человека». Ссылка на необходимость защиты прав человека лежит в основании идеологического оправдания действий наиболее сильных субъектов мировой политики, представляющих Запад. Казалось бы, здесь мы имеем дело с торжеством гуманизма: в центр ставится человек с его стремлением к свободе, к счастью. И действительно, в ряде случаев, когда под угрозой жизнь многих людей, когда население той или иной страны страдает от произвола властей или, наоборот, от вакуума власти, защита прав человека необходима, даже если она связана с так называемой *гуманитарной интервенцией*.

Но дело в том, что нет каких-то абстрактных «прав человека». Так называемые *права человека* есть выражение того типа взаимоотношения индивида и общества, который сложился на современном Западе. Это антропоцентрическое представление определенного социального идеала, типа общественного устройства. Как уже отмечалось, сама идея «прав человека» несет в себе мощный гуманистический импульс. Но стремление внедрить ее без

* Статья подготовлена в рамках проекта «Ценностные приоритеты современной мировой политики», № ВКГ 155-05, поддержанного грантом Белгородского государственного университета за 2005 г.

¹ Ильин М.В. Слуга двух господ (о пересечении компетенций политической науки и международных исследований) // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 128.

учета готовности к ней самого человека и общества, в котором он проживает, ведет к деструктивным и негативным для человека (для большинства населения) результатам.

Незападный мир в разной мере готов к принятию в полной мере идеи прав человека в их западной интерпретации. Часто страны незападного мира теряют стабильность под ударами социальных меньшинств, проникнувших целью реализации прав человека и перестройки общества в соответствии с правами человека, в их вестернизированном понимании. Большинство же населения этих стран страдает от потери привычной опеки со стороны государства. Приобретая малоценные для него политические права и свободы, это большинство теряет привычные социальные гарантии.

От расширенного применения идеи прав человека выигрывают развитые страны, «страны победившего либерализма», относящиеся к западному миру. Первый выигрыш состоит в том, что усиливаются их возможности воздействия на другие страны, управление ими на основе собственных интересов. Эти возможности реализуются по следующей схеме: в странах, ставших по тем или иным причинам (местонахождение, наличие природных ресурсов и др.) объектом интереса развитых стран, находится социально-экономическое, социокультурное или этническое меньшинство, которое или уже борется за реализацию своих интересов, или после проведения с ним соответствующей «подготовительной работы» осознает необходимость реализации своих прав. Правительства этих стран, отстаивая сложившиеся порядки (определенное социально-политическое устройство страны, ее целостность и др.), противодействуют дестабилизирующей деятельности меньшинства. Страны Запада начинают критиковать правительства этих стран за нарушения прав человека, им прививается «комплекс вины». Критика используется как средство давления (политическая изоляция Белоруссии, обвинения России за нарушения прав человека в Чечне) или как обоснование для вторжения в страну (агрессия стран НАТО против Югославии, вторжение Америки в Ирак).

Возможен и следующий этап: протестующая часть населения страны, своеобразное агрессивное меньшинство, препятствует деятельности власти, власть не решается применить по отношению к ней силу, опасаясь упреков в нарушении прав человека. Лишь некоторые страны способны противостоять культурной гегемонии и политическому давлению Запада (примером является Китай, не побоявшийся применить вооруженную силу против бунтовавших студентов в Пекине). Протестанты, поощряемые Западом, осуществляют государственный переворот, приходят к власти и следуют в своей политике указаниям со стороны поддержавшего их Запада (Грузия, Украина, во многом – Киргизия).

Выигрыш второй состоит в том, что идея прав человека, превознося приоритет интересов отдельного индивида по отношению к социальному целому, дает возможность личности свободно строить свою жизненную биографию, дает свободу идентификации. Это часто выражается в том, что наиболее активные индивиды покидают свои страны и эмигрируют на Запад. Запад получает, таким образом, доступ к наиболее ценному национальному ресурсу других стран – человеческому потенциалу. Организация этого человеческого потенциала, группировка индивидов в большие социальные общности идет уже не по «правилам семьи», когда родство (место рождения) предопределяет вхождение индивида в национальную общность, а по правилам спортивной команды, когда игрок переходит туда, где ему предлагают лучшие условия. В западных же странах активно обсуждается проблема перехода от национального гражданства к гражданству транснациональному и даже всемирному. Речь идет о наиболее выгодных условиях использования мирового человеческого потенциала развитыми странами².

Подобная свобода идентификации личности отвечает общей логике прогресса. Свободная, инициативная личность – главный источник всякого рода новаций, изменяющих облик человечества. Поэтому с точки зрения общего прогресса человечества оправданно, если личностные таланты будут использованы там, где их оценят в большей мере. Но при этом ущемляются интересы конкретных стран, не готовых без принуждения сохранить у себя созданный ими ценный человеческий потенциал.

² Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 19-27.

Международная игра – это игра, где главным правилом является соблюдение прав человека, где выигрывает сильнейший. Либерализм – это идеология социально сильных. От ее основного принципа приращенных прав человека выигрывает социально сильный индивид, выигрывают социально сильные развитые страны (в данном случае, прежде всего Запад). Проигрывают же менее развитые страны в целом, а также большинство населения в них.

Суверенитет государства. Приоритетность принципа прав человека отодвигает на второй план принцип суверенитета государства. Государство постольку легитимно в международном общественном мнении, поскольку оно обеспечивает гарантии прав своих граждан, обеспечивает их политическими благами, прежде всего, безопасностью. При этом наблюдается рост значения внешней легитимности при падении «удельного веса» внутренней легитимности.

Можно согласиться с мыслью Н.А. Косолапова, что «...глобализация не «отменяет», не «закрывает» институт государства, не ведет к его «отмиранию», но выставляет к государству гораздо более высокие требования, диктуемые в том числе интересами поддержания международного мира, стабильности, безопасности и развития...». Идеалом (в веберовском смысле) в глобальном мире может, по-видимому, считаться государство, дееспособное в поддержании его внутренней стабильности, принимающее сложившийся глобальный миропорядок и поддерживающее его своими действиями и при этом через интересы элит восприимчивое к регулирующим и управляющим воздействиям финансово-экономического, политического, иного рода со стороны этого, пока гипотетического, порядка. Государства, лишь выполняющие функции инструмента господства и обогащения «своих» элит, оказываются в этой системе перед возможностью потери их международной, а вслед за этим и внутренней легитимности³. Но в плане уточнения необходимо к вышесказанному добавить, что легитимация и делегитимация этих государств далеко не всегда есть объективный и честный процесс (порой это сознательное манипулирование мировым общественным мнением и мнением населения соответствующих стран). Посредством делегитимации тех или иных политических режимов под лозунгами обеспечения прав человека, защиты демократии и т.п. происходит выравнивание мирового политического ландшафта, искусственная, а порой и насильственная универсализация внутригосударственных (внутригосударственных) политических отношений в интересах достижения наибольшей управляемости миром со стороны наиболее сильных субъектов мировой политики.

Если государственный суверенитет перестал быть неким абсолютом, то всегда можно найти повод для его нарушения. Может быть налицо и реальная причина для вмешательства в дела другой страны и даже, с точки зрения такого Абсолюта, как права человека, – острая необходимость. Например, ряд развивающихся стран, относящихся к «несостоявшимся государствам» – требует срочного управленческого воздействия со стороны мирового сообщества. Так называемое *несостоявшееся государство (failed state)* теряет контроль над территорией и не может обеспечить внутри территориальных границ порядок. Население этих стран страдает от произвола и беззакония, оно часто лишено элементарных возможностей для выживания. В этих условиях контроль над ресурсами захватывают различного рода внесистемные силы, в том числе как организованная, так и уличная преступность. Более того, возникает угроза мировому сообществу в виде громадных потоков беженцев и перетекания насилия за рамки территорий несостоявшихся государств. Это вызывает беспокойство мирового сообщества в целом. Подобных «падающих» и «упавших» государств достаточно много. Однако вмешательство в дела этих несостоявшихся государств происходит лишь в том случае, если в этом заинтересован какой-либо достаточно сильный субъект мировой политики, ибо подобное вмешательство требует определенных ресурсов, поэтому вмешивающаяся сторона соизмеряет понесенные затраты с полученными экономическими, политическими и прочими «дивидендами». Так, многие страны Африки, в силу сложной ситуации в них, исходя из их потери управляемости нуждаются в срочном вмешательстве. Однако расчеты по формуле «соотношение затрат и результатов» удерживают

³ Косолапов Н.А. Формирование глобального миропорядка и Россия // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11. – С. 7.

развитые страны от замены «неэффективного менеджмента» этих стран⁴. В то же время государства, вполне состоятельные с точки зрения выполняемых ими внутренних функций, но в чем-то не отвечающие интересам развитых стран, например Ирак, могут быть объявлены некими носителями зла. Это дает повод для нарушения их суверенитета. И при этом, как верно отметил В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию РФ в мае 2006 г., «куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь оказывается всё возможно, нет никаких ограничений».

Такому ориентиру, как безопасность, принадлежит ведущая роль в построении мировой политической системы, обеспечении ее функционирования и развития. На сегодняшний день в мировом общественном мнении доминирует представление, что решающим направлением в обеспечении мировой безопасности и безопасности отдельных стран является борьба с мировым терроризмом. Несомненно, терроризм представляет собою зло, с которым надо бороться. Более того, необходима еще большая консолидация усилий мирового сообщества в данном направлении. Однако часто этот лозунг также используется лишь выборочно для реализации интересов развитых стран. Достаточно обвинения той или иной страны в поддержке мирового терроризма, чтобы осуществить вмешательство в ее дела. В то же время действия террористов могут расцениваться как законная борьба за освобождение, если это служит ослаблению политического оппонента. Примером этому может быть отношение стран Запада к действиям террористов на территории России.

Поводом для вмешательства может быть и наличие или разработка той или иной страной оружия массового поражения. Это предполагает возможность террористических актов в будущем и угрозу для мировой безопасности или безопасности отдельных стран. Согласно доктрине безопасности, принятой в США в 2002 г., в случае наличия угрозы для США и предотвращения ее роста США в целях обороны наносит превентивный удар⁵. Этот повод пытаются сейчас использовать применительно к Ирану и Северной Корее.

Однако в действительности ни международный терроризм, ни распространение оружия массового поражения не представляют угрозы, сопоставимой с опасностью экологического характера. Имеется в виду прежде всего загрязнение окружающей среды. Причиной этого является бурное развитие современной цивилизации, включающей в оборот природные ресурсы и на 95% превращающей их в отходы. Мировая общественность осознает экологическую опасность, свидетельством чего был ряд крупных международных форумов с экологической проблематикой: в Рио-де-Жанейро (1992 г.), в Йоханнесбурге (2002 г.) и др. Общемировым принципом становится идея устойчивого развития, предполагающего сохранение окружающей среды и благоприятные перспективы для будущих поколений.

Главным загрязнителем являются США, не испытывающие по этому поводу никакого комплекса вины. Так, на сегодняшний день довольно остро стоит вопрос о потеплении климата, связанного с ростом удельного веса в атмосфере парниковых газов. Экономика США, страны с населением, составляющим лишь 5% от населения мира, дает 23% от мирового объема выброса этих газов, в то же время США отказались ратифицировать Киотский протокол, где многие страны обязались не увеличивать выбросов парниковых газов. В соблюдении обязательств по этому протоколу США видят снижение конкурентоспособности своей промышленности, а отсюда – и возможность роста безработицы и снижения уровня жизни. Достигнутый уровень потребления остается константой, правомерность которой, как полагают власти США, не подлежит обсуждению. Угроза от неконтрольного развития потребительской цивилизации при этом явно недооценивается.

В целом создается впечатление, что за словами о правах человека, об их приоритете по отношению к суверенитету государства, об угрозе мирового терроризма и опасности создания

⁴ Mair St. Intervention und «state failure»: sind schwache Staaten noch zu retten? // Internationale Politik und Gesellschaft. – 2004. – № 3. – S. 82-98.

⁵ Munkler H. Angriff als beste Verteidigung? : Sicherheitsdoktrinen in der asymmetrischen Konstellation // Internationale Politik und Gesellschaft. – 2004. – № 3. – S. 22-37.

и наличия оружия массового поражения вне стран западного ареала часто стоит корыстный интерес западных стран и особенно наиболее сильного субъекта мировой политики – США.

Теме справедливости в международных отношениях, актуализируемой процессами глобализации, посвящаются научные форумы, один из них – это международная конференция, проходившая в начале 2003 г. в Каире⁶.

О необходимости справедливости в международных отношениях говорят академические ученые леволиберальной и социал-демократической ориентации. Так, американский профессор Б. Барбер заявляет следующее: «Меня всегда удивляло, что обществоведы называли общество, где доминирует религия, теократией. Мы говорим, что это смертельно для свободы. И если политика определяет все сферы общества, мы называем эту систему тоталитарной. Мы говорим, что это смертельно для свободы. Но если рынок и коммерция определяют все сферы общества, мы называем это свободой. Это есть новая форма тоталитаризма, опасная форма, так как она спускает вниз флаг свободы. Мы должны восстановить мир плюрализма, в котором торговля является важной составной частью, но такой частью, которая не раздавливает другие части... Я верю, мы нуждаемся в политике справедливости, которая дает ответ глобализации, индивидуализации и коммерциализации... справедливость возможна не только для немцев, для американцев, для европейцев, но и для всего человечества»⁷.

Следует отметить, что существует и иная точка зрения на роль справедливости в международных отношениях. Так, В. Иноземцев отмечает, что «глобализация движима экономическими причинами, и потому наивно надеяться, что она может способствовать формированию справедливого миропорядка. Она насаждает и будет насаждать во всем мире принципы капитализма, а устранение неравенства никогда не было одним из них. Глобализация не управляется из какого бы то ни было единого центра, и потому не следует ожидать, что она сможет стать демократически организованным процессом, и т.д.»⁸.

Тема справедливости актуализируется в международных отношениях в связи с растущим экономическим неравенством между странами. Разрыв в доходах 20% населения земли, проживающего в самых богатых странах, и 20% населения беднейших стран составил в 1997 г. 74:1 – рост от 30:1 в 1960 г. В конце XX в. на одну пятую населения планеты, проживающую в самых богатых странах, приходилось более 80% мирового ВВП, а на одну пятую беднейших стран – 1%; первые владели 82% экспортного рынка, вторые – только 1%⁹.

Растущее неравенство между странами (как неравенство богатого Севера и бедного Юга) представляет собой угрозу и для Севера в виде нарастающего и неконтролируемого потока миграции в богатые страны. В этом случае в богатые страны прибывают по количеству и особенно по качеству человеческие ресурсы, несопоставимые с их экономикой и поэтому становящиеся бременем для богатого Севера. Опасность этого неравенства состоит в том, что оно есть одна из причин международного терроризма.

⁶ Динелло Н. Глобализация и справедливость : междунар. конф. в Каире // Политические исследования. – 2003. – № 3. – С. 180-184.

⁷ Barber B. End of Democracy? // Die Neue Gesellschaft Frankfurter Hefte. – 2004. – № 1-2. – S. 12.

⁸ Иноземцев В. О призраках и реальности // Свободная мысль. – 2003. – № 4. – С. 42.

⁹ Юрлов Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 17-18.

Справедливость является лозунгом борьбы различных неправительственных организаций и общественных движений. В последнем случае нужно отметить, прежде всего, антиглобалистское движение. Но справедливость не относится к ценностным ориентирам официальной политики. Это определяется не только имеющимися расхождениями в представлениях о справедливости у различных субъектов мировой политики. Главная причина состоит в том, что в рамках доминирующей либеральной парадигмы справедливость не является значимой политической ценностью. Здесь справедливость понимается как выражение международного права, а не как некие призывы помочь аутсайдерам глобализации.

Выдвижение новых ориентиров. Главную угрозу человечеству представляет, как уже отмечалось выше, потребительский характер западной цивилизации. Бесперспективной попыткой дать ей альтернативу является исламизм. Исламский фундаментализм несет в себе идею удовлетворения малым в соответствии с идеалом самоограничения. При этом уравнивательные принципы раннего ислама, идеал «ограничения потребностей» признаются гарантиями существования социальной гармонии, всеобщего братства и взаимопомощи в рамках исламского общества¹⁰. Но в реальном столкновении с либерально-западной экономикой предполагаемая «исламская экономика» не выдерживает конкуренции. Потребительский образ жизни для наиболее активной и успешной части населения исламских стран выглядит более привлекательным, нежели аскетизм ислама. Лишь только силой можно внедрить исламскую модель жизни, ориентированную на возвращение во времена средневековья. Попыткой этого был режим талибов в Афганистане. Насильственной попыткой противостоять победному шествию западной потребительской цивилизации является и современный исламский экстремизм.

Потребительский характер либерально-западной цивилизации может быть изжит лишь ею самой. Критика потребительства – это черта многих общественных движений на самом Западе. О необходимости изменения вектора развития заявляет и мировое сообщество в целом в лице ООН. Начиная с 1990 г., Программа развития ООН (ПРООН) издает доклады, посвященные различным аспектам человеческого развития. Концепция развития человека в этой программе видится как альтернатива точке зрения, отождествляющей развитие с экономическим ростом. Экономический рост и рост объема потребления рассматриваются не в качестве самоцели, а как средство достижения целей развития человека¹¹.

Однако переориентация развития человечества с роста потребления на совершенствование человека остается во многом благим пожеланием. Развитие человека еще не стало ведущим ориентиром реальной политики мирового сообщества.

Наличная иерархия ценностных приоритетов мировой политики есть отражение современной расстановки сил в мировой политике. Несомненно, расстановка сил будет меняться. Уже сейчас ясно: через 2-3 десятилетия у Запада появятся сравнимые с ним по силе конкуренты в борьбе за влияние на мировое сообщество. В качестве такого конкурента будет выступать в первую очередь Китай. За изменением баланса сил последует и изменение в системе ценностных приоритетов. Уже сейчас можно предположить, что в трактовке прав человека появятся новые мотивы. Так, вероятно, речь пойдет о праве каждого человека независимо от его государственной и национальной принадлежности на определенную часть природных ресурсов земли. И уже это будет оправданием для возможного вмешательства в дела других стран вплоть до вооруженного вторжения. В силу ограниченности планетарных ресурсов обострится необходимость их перераспределения, а отсюда и важность жесткого контроля. Неясно, однако, кто будет осуществлять этот контроль – все человечество на демократических

¹⁰ «Новый мировой порядок» чреват катаклизмами? : круглый стол // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 5. – С. 84.

¹¹ Биктимирова З.З. Безопасность в концепции развития человека // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 135-137.

началах или некий союз наиболее сильных государств – «восьмерка», «десятка» или «двадцатка». Ясно одно, что неизбежна новая организация человечества¹².

Существующая ныне реальная однополярность мира будет в существенной мере преодолена. Это сделает мир более демократичным, когда в большей мере будут учитываться голоса других политических субъектов мировой политики. И можно будет предположить, что в ценностном плане мировая политическая система будет более плюралистична, нежели в настоящее время – время ценностно-политической гегемонии Запада и его форпоста – США. Так, американский социолог А. Этциони пишет о том, что будущее «хорошее глобальное общество» должно соединить в себе положительные стороны западного индивидуализма и восточного авторитарного коммунитаризма, политической демократии и порядка¹³.

Уже сейчас идет поиск ценностей, которые бы отражали интересы всего человечества и давали приемлемую перспективу для всех стран. Не только в теории, но и в политической практике делаются попытки зафиксировать эти всеобщие ценности. Так, в Декларации тысячелетия все государства вновь подтвердили ряд фундаментальных ценностей, имеющих важное значение для международных отношений в XXI веке: свобода, равенство, солидарность, терпимость, уважение к природе и общая ответственность¹⁴.

Место России в идеологической борьбе. Если раньше Россия была производителем «идеологической продукции», рассчитанной на «мировой рынок идей», была носителем коммунистического идеологического проекта, то в настоящее время роль России на международном рынке политических идей незаметна. Политическая элита России, не решаясь на самостоятельное социальное творчество, решила следовать апробированному Западом либеральному проекту, внося по ходу в него незначительные коррективы, обусловленные спецификой текущего момента.

В целом Россия значительно продвинулась в плане либерализации всех сторон общественной жизни и воспринята мировым сообществом (а самое главное – наиболее сильными политическими субъектами) как нормальная, почти европейская страна. Однако положение России в системе международных отношений довольно неустойчиво. В мировой политической системе она благодаря наличию ядерного оружия, имея примерно половину мировых ядерных запасов, находится в центре. В мировой экономической системе место России явно на полупериферии с ее примерно 2% от мирового валового продукта. Это делает ее положение крайне шатким. Она должна поднять свой экономический статус до политического. В противном случае ее политический статус будет неуклонно опускаться к экономическому. Уже сейчас нередки высказывания о неправомочности нахождения России в составе «восьмерки», являющей собой центр мировой политико-экономической системы.

Россия должна сделать некий рывок, который бы поднял ее экономику к той роли, которую она сейчас играет в мире и которую старается сохранить на будущее.

Однако главным образом этот рывок необходим потому, что Россия не может позволить себе быть слабой. То, что она обладает более чем 1/8 территории земной суши и значительной частью запасов земных природных ресурсов, не позволит ей остаться незаметной, в стороне от мировых процессов. Она является и, несомненно, будет объектом посягательства со стороны заинтересованных сильных субъектов мировой политики.

Но можно ли сделать этот рывок, понимаемый руководством страны как удвоение ВВП, на основе той невнятной идеологии, которой сейчас придерживается политическая элита России? Отсутствие у России привлекательного идеологического проекта не

¹² Ефимчук И.В. Пирамида власти-собственности: будущее планетарной экономики // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 139-141.

¹³ Etzioni A. Wie eine gute globale Gesellschaft entsteht // Internationale Politik und Gesellschaft. – 2004. – № 2. – S. 12-30.

¹⁴ Аннан К. Сохранились ли у нас всеобщие ценности // Международная жизнь. – 2004. – № 2. – С. 71.

позволяет дать для населения страны вдохновляющую оптимистичную перспективу. Отсутствие этого проекта сдерживает ее возможности быть интеграционным центром на постсоветском пространстве: ярким примером бегства в сторону от России являются недавние события в Украине. У России, говоря словами К. Хаусхофера, нет некоей панидеи, которая дала бы ей возможность стать геополитическим центром интеграции, организовать вокруг себя экономическое пространство с емким внутренним рынком, делающим это пространство самодостаточным.

Особенности и интересы России не позволяют ей безоглядно руководствоваться как во внешней, так и во внутренней политике идеологией, идущей с Запада. Надо быть критичным к этой идеологии и активно препятствовать установлению в мире культурно-идеологической гегемонии стран Запада, которая к тому же препятствует адекватной оценке ситуации и приводит к серьезным ошибкам в политике¹⁵. Россия должна иметь свое идеологическое кредо, дающее ей точные ориентиры не только во внутренней, но и во внешней политике, кредо, дающее ей также верные стандарты оценок действий субъектов мировой политики, когда у тех наличествует стремление прикрыть реализацию своих эгоистических интересов демагогическими рассуждениями.

Но было бы ошибочно возможный российский идеологический проект видеть как выражение антитезы православной России протестантско-католическому Западу. В условиях глобализации всякая новация, которая в принципе не сможет стать некоей универсалией, обречена на постепенное угасание. Предполагаемый национальный идеологический проект (иначе – национальная идея) должен быть следствием уточнения и развития западного проекта. Несомненно, в нем ведущей должна остаться идеология прав человека, но с иной иерархией этих прав. В качестве приоритетных прав должны рассматриваться не политические права, а права экзистенциальные – на жизнь, безопасность, на достойный человека уровень жизни и др. Также этот проект должен в качестве высшей цели видеть не потребление, а развитие человека, в нем должна быть актуальная для современного человечества идея устойчивого развития.

На основе этого проекта Россия сможет в большей мере проявить свою субъектность как элемент мировой политической системы, быть самостоятельным центром формирования ценностных ориентиров мировой политики, быть идеологически независимой.

THE IDEOLOGICAL GUIDING LINES OF MODERN WORLD POLICY

V.N. SHILOV

Belgorod State University

e-mail:
Shilov@bsu.edu.ru

The article contains analysis of most general political valuables as the guiding lines of world policy – human rights, security, justice, equality. The author proves necessity of specification of the aims and principles of the world policy, importance of achievement of ideological independence of Russia for definition of its reference points external and internal policy, creation of the ideological project of not consumer civilization.

Key words: world policy, ideology, political valuables.

¹⁵ Караганов С.А. XXI век и интересы России // Современная Европа. – 2004. – № 3. – С. 6.

